

Наш СОБЕСЕДНИК

Игорь Германович АГАФОННИКОВ,
заслуженный артист РСФСР,
заслуженный деятель искусств
РСФСР, хормейстер Большого
театра Союза ССР

Еще шла война. Еще много дней и ночей было до великой победы, но и в трудные годы советские люди не расставались с песней. В военные годы в подольской средней школе № 3 учились сыновья главного хормейстера Московского театра оперетты Г. И. Агафонникова. Когда Германа Ильича попросили организовать в школе хор, он радушно согласился. Часто на репетиции брал Агафонников с собой маленького Игоря. И тот, невидимый отцу из-за рояля, пытался дирижировать школьным хором.

МУЗЫКА НАВСЕГДА

— С того детского увлечения, наверное, все и началось. Правда, учился я тогда в музыкальной школе по классу скрипки и о специальности хормейстера, конечно, не думал. Впрочем, вообще мои мысли о будущей профессии были еще туманны. Но именно тогда произошла встреча, которая тоже в какой-то степени помогла им определиться.

В сорок третьем году я познакомился и подружился с удивительным человеком. Веселым, жизнерадостным, добрым. Звали его Василием Горбатенко. Раненый, он лежал в подольском госпитале. Когда ему разрешили ходить, он, волей случая, пришел под Новый год к моему деду Константину Егоровичу. Мы с ним подружались. Уезжая, он подарил мне свою плащ-палатку, которую я и сейчас бережно храню. Я получал письма с фронта. Потом маленькие бумажные треугольники перестали приходить в Подольск. И только спустя много лет узнал о гибели моего старшего друга. В журнале «Знамя» были опубликованы военные дневники Василия Горбатенко, павшего смертью героя.

— Что же вас сблизило с этим человеком? Почему вы говорите о его влиянии на ваше будущее?

— Сблизила нас любовь к музыке, русской песне. Василию очень нравился рассказ Тургенева «Певцы». Особенно то место, где говорится о неподдельной глубокой страсти, молодости, силе и какой-то увлекательно-беспечной грусти русской песни.

Среди учителей своих я называю и солдата Василия Горбатенко.

— Закончив среднюю школу, вы уже твердо решили посвятить себя музыке?

— Вы знаете, получилось совсем не так, как думали мои родители и друзья. Я поступил учиться в институт иностранных языков. И дело не в том, что увлекался ими. Я знал, что в этом вузе очень хорошо преподают литературу. А вот любовь к ней заронила во мне, да и не только во мне, наша учительница Людмила Сергеевна Матвеева.

— И как долго вы готовили себя в полиглоты?

— Я уже говорил, что мальчишкой увлекался пением в хоре. Пытался дирижировать. И первое мое выступление с хором приходится, кстати, на годы войны.

— Певцами были ваши школьные товарищи?

— Нет. К нам домой приехали военные. Спрашивают меня, где Агафонников? Я, отвечаю, Агафонников. Так это ты дирижер? Ага, говорю, дирижирую. Ну, тогда собирайся. Поедем. Дома никого не было, и я поехал с военными. Привезли в какой-то клуб, и пока разобрались в том, что меня перепутали с отцом, концерт уже начался. И мне пришлось дирижировать полковым хором.

— Но как все-таки вы стали настоящим хормейстером?

— Когда я учился в инязе, меня часто приглашали в другие вузы, в школы, просили помочь организовать хор. Приезжал я и в свою третью школу, где тоже на общественных началах работал с самодеятельными певцами. В общем, очень скоро понял: иностранные языки — дело хорошее, но не мое. Поступил в консерваторию. Закончил. И в 1958 году пришел в Большой театр.

— Игорь Германович, ваш отец был главным хормейстером Московского театра оперетты. Вы — хормейстер оперного театра...

— Хотите спросить, почему сын изменил тому делу, которому посвятил свою жизнь отец? Но, во-первых, дело не в жанре. Жанр может быть разный, а специфика в работе хормейстера одна. И именно она, а не жанр, нас объединяет. Во-вторых, я люблю оперетту, часто бываю в этом театре. Больше того, с удовольствием принял участие в постановке телеспектакля по оперетте Кальмана «Фиалка Монмартра».

— Во многих операх партия хора не уступает по своему значению партиям ведущих солистов. Артистам хора приходится сочетать искусство пения с мастерством перевоплощения, причем нередко исполнять разные роли на протяжении одного спектакля. Зная об этих сложностях, чем руководствуетесь, чего добиваетесь вы на репетициях?

— Главное, чтобы в каждом голосе чувствовалась правдивая, горячая душа.

По-настоящему хор театра зазвучал в восьмидесятых годах прошлого века. И заслуга в этом пришедших в театр главного дирижера Альтани и руководителя хора Авранека.

— Сегодня Большой театр — академия отечественной музыкальной культуры. Быть его артистом — немалая честь. Кто может попасть к вам в хор?

— Человек, имеющий среднее специальное образование вокалиста. Многие артисты хора имеют и высшее музыкальное образование. Отбор конкурсный. Обычно из пяти желающих попадает один.

— Вы очень тепло говорите о Подольске. Очевидно, у вас и сейчас там немало друзей. Есть среди них те, кто вместе с вами пели в школьном хоре и остались верны вокалу поныне?

— Конечно. И первый среди них Сергей Иванов. Сейчас он кандидат технических наук, заместитель директора Щербинского завода электроплавильных огнеупоров. Голос у него прекрасный. Ему под силу и песня, и классическая ария. Когда я бываю у него в гостях, с удовольствием аккомпанирую и слушаю его песни. Другой мой соученик Леонид Морозов закончил Институт международных отношений. Работа его очень далека от вокала. Но юношескую увлеченность пением Леонид не забыл. Он солист народного оперного театра Центрального Дома

культуры железнодорожников. На все его премьеры я хожу непременно. И не только в память о школьной дружбе. Мне интересно как специалисту бывать и на их спектаклях, и на репетициях. Уношу отсюда прекрасное впечатление и неожиданные хормейстерские решения.

Радует, что в Подольске сейчас создан отличный хор при Доме культуры имени Калинина. Этот музыкальный коллектив представлял наше искусство за рубежом. Кроме того, в моем родном городе две хоровые студии, очень хороший хор при музыкальной школе, ставшей одним из культурных центров крупнейшего в Подмосковье промышленного города.

— Вы часто бываете на гастролях, в том числе и за рубежом. Какие из них вам больше всего запомнились?

— Думаю, не будет преувеличением сказать, что искусство артистов Большого театра покорило весь мир. Мне довелось побывать вместе с театром в Польше, ГДР, Японии, Италии, Франции, США и в других странах. А самые памятные... пожалуй, в США. В «Метрополитен-опера». На сцене крупнейшего в Нью-Йорке театра мы играли советский спектакль Молчанова «Зори здесь тихие». И зал был буквально заворожен.

— За последние годы Большой театр поставил много новых спектаклей. Среди них «Похищение луны» Тактакишвили, «Мертвые души» Щедрина — произведения совершенно разные по стилю, по звуковой системе, и работа с хором в этих случаях очевидно усложняется?

— Я добавлю к вашему перечню еще два произведения, с которыми мы будем работать. Опера Прокофьева «Дуэнья» и «Катерина. Измайлова» Шостаковича. Да, произведения эти совершенно разноплановые. Но тем интереснее репетиции, тем больше мы получаем удовлетворение, обогащаем художественный, исполнительский, стилистический материал.

— Игорь Германович, если бы сейчас перед Агафонниковым — выпускником средней школы — встала новая возможность выбора профессии. Кем бы он стал?

— Только хормейстером. Я счастлив, что мое увлечение стало и моей профессией.

— А что же сейчас — увлечение?

— Увлечений много, и среди них — журналистика. Мне нравится эта работа своей важностью, ответственностью и легкостью. На протяжении пятнадцати лет являюсь бессменным заместителем редактора многоотиражной газеты «Советский артист». И очень этим горжусь.

— Что бы вы хотели пожелать читателям нашей газеты?

— Успехов, счастья, свершений и новых волнующих, очищающих душу встреч с лучшими произведениями оперного искусства.

Беседу вел
Ю. КОЗЛОВСКИЙ.